

Популярный бард Тимур ШАОВ – о своем великом коллеге Александре ГАЛИЧЕ, которому на этой неделе исполнилось бы 85 лет

Один из первых бардов сегодняшней России, Тимур Шаов любит и почитает многих своих коллег и предшественников. Однако Галич для него в любом ряду – номер один. Особенно относительно себя самого:

– Я способный, он – гениальный.

Об этом я знаю уже пятнадцать лет – с тех пор, как впервые услышал песни Галича.

– В восемьдесят восьмом? Что так поздно?

– А не было его пленок в моем родном Черкесске. Услышал в Ставрополе у друга «Веселый разговор»: «А касса щелкает, а касса щелкает – щелк, щелк, щелк», – и был потрясен. Потом оказалось, что некоторые мои друзья вообще Галичем разговаривают. У них нашлись и другие записи – считайте, что академическое собрание сочинений: все песни Галича с разными вариантами. И я влюбился окончательно.

– Чем он вас зацепил?

– Вот я пишу, грубо говоря, какие-то иронические вещи. Слушаю других и говорю себе: «Пожалуй, вот так я могу. И так могу». Ну, не совсем так – скорее всего, гораздо хуже, – но по крайней мере я понимаю, как это сделано. А как сделан Галич, не понимаю до сих пор. Вроде обычный стих, простыми словами написанный – хоть тот же «Что, мол, «маде» в Эс-эс-эр, в Ленинграде, в маринаде, рупь четыре копейки», – но сто лет учись, а не поймешь.

– Все-таки написанный, не спетый?

– Прежде всего – написанный: редкий случай, когда барда можно читать в книге. И недооцененный до сих пор – что коллегами, что слушателями. Видел я недавно критическое письмо в одном бардовском журнале: человек в очередной раз прошелся по мне – «все бы позубоскалить Шаову, опять эти пустые смешки». Ладно, уже привык – но читаю дальше, и челюсть виснет: смешки пустые, оказывается, «в духе Галича»! Не понимает человек, что Галич ничуть не менее трагичен, чем Цветаева и Мандельштам. И не только он не понимает, что так выразить ту эпоху: «Караганда, Караганда, если тут горда, то и на кой годна», «Чем в шляпе, тем нахальнее», «Она качается в автобусной петле» – может только трагический поэт.

– Завидуете?

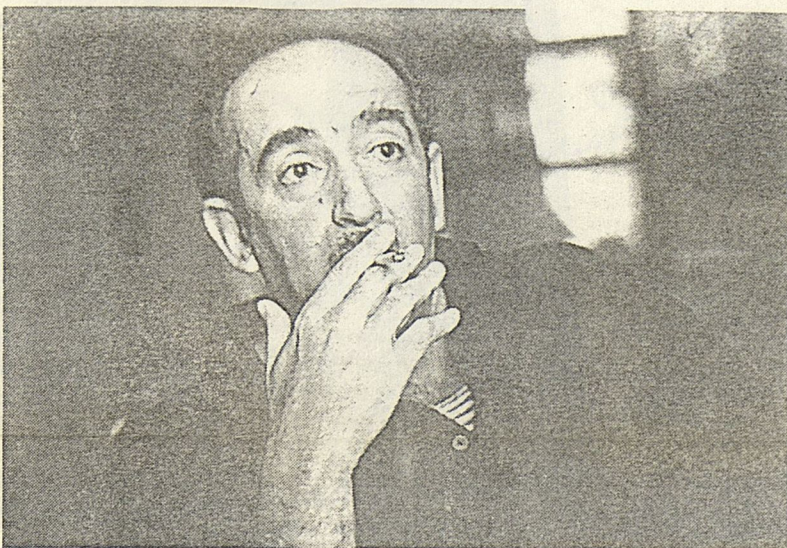
– Жуткой завистью. Прожить жизнь честно и в открытую говорить власти то, что ты о ней думаешь...

– Даже при том, что его сценарии «Вас вызывает Таймыр», «Государственный преступник» вполне советские?

– Он и в них остался честным человеком: тогда он верил в то, о чем писал. Жил бы Галич сейчас, от него бы и нынешним властям доставалось по первое число, я просто уверен в этом.

– У вас есть песня, посвященная Галичу и написанная по его мотивам. Сама получилась или, как там говорится, вначале действительно поспорили с другом?

– Сама, но с другом спорил. Он – бизнесмен, очень активный человек – стал вдруг спрашивать меня: «Вот ты работал врачом, лечил в своей станции Зеленчукской бабушек. Почему они жалуются на судьбу, а не пытаются что-то сделать? Торговать, копать, строить свою жизнь». Это он про бабуль несчастных, всю жизнь за трудовни работавших... Нет, я меньше всего против капитализма, но людей-то живых, бабок Кузьминишн, зачем из жизни вычеркивать? Тогда-то и пришел мне на память Галич: «А сырка к чайку или ливерной – тут

Архив «МН»

«...И дело тут не в метрике, столетие – пустяк!» (Александр Галич)

старый, мудрый, неформатный

двугривенный, там двугривенный, а где ж их взять?!» А он: «Нет, чего ты говоришь? Галич устарел, он – из времен советской власти, когда у людей не было возможностей для инициативы». Вот так и получилось...

Значит, Галич устарел? Очень может быть.

Что не нравится? Да всё, вроде, нравится...

Да, иные времена, но чем-то схожие.

А для Кузьминишны – так вовсе без разницы.

Виноваты сами – дедушки, бабушки:

Слишком рано родились, жили в сироти.

Дали льготы на проезд? Вот и ладушки.

Трали-вали, торжество справедливости.

Босан, босан, босана...

Сейчас не время – времена.

(Тимур Шаов, «Иные времена»)

– Вы не считаете, что к песням Галича уже для сегодняшних двадцатилетних требуется пара томов комментариев?

– Может быть. Хотя хороший юмор все равно будет понятен. Пример – мой сын-школьник, средние классы: любимое чтение – четырехтомник Жванецкого. Читает сын вещи шестидесятых – семидесятых – тех лет, когда его даже в отдаленных проектах не было, – и ржет. Иногда спрашивает о том, что непонятно, я объясняю.

– Часто объяснять приходится?

– Не так часто, как можно предположить... Или вот: вчера, открыв Сашу Черного образца ноль шестого года прошлого века, обнаружил я пародию на Козьму Прутков. «Дух свободы. К перестройке вся страна стремится. Полицийский в грязной Мойке хочет утопиться. Не топись, охранный воин: воля улыбнется. Полицийский, будь спокоен: старый гнет вернется». Замени полицийского на кагэбэшника – получишь результат. А можешь и не менять. С Галичем – тот же случай: то ли время повторяется, то ли еще что – но я боюсь, что он становится все актуальнее.

– Проверим по книге?

– А есть с собой Александр Аркадьевич? Отлично. Открываем любую страницу. Читаем: «Центральная газета оповестила свет, что больше диабета в Стране Советской нет»... Вертим дальше: «Он спит, а его полпреды варганят войну и мир...» «Если все шагают в ногу, мост обруши-ва-ет-ся», «Душнее в зале, как в метро, от пергидрольных локонов».

– Это тоже про полпреда?

– Ну, чересчур круто взяли... С другой стороны, недели две назад был большой концерт в Питере – Макаревич, Розенбаум, Леонидов:

пять часов хорошей музыки. Второе отделение, мне выступать. Хотел спеть свою «Хоронила мафия крестного отца», но сработала самоцензура.

– Почему?

– Там ведь концовка такая: «Говорят, что нового крестного отца из Москвы пришлет госбезопасность». А место, повторяю, – Питер. И время – между первым и вторым турами.

– И открывал тот концерт, судя по сообщениям, один из кандидатов в губернаторы Санкт-Петербурга.

– Было дело. Так что вовремя одумался...

– Как относитесь к тем, кто сегодня поет Галича?

– Если хорошо поют, то хорошо и отношусь. Недавно слышал в Израиле, как мужик на фестивале пел, – замечательно. Не подражал галичевским оборотам, не испортил песню.

– Сами пробовали петь его?

– Нет. Во-первых, кто я и кто Галич? Во-вторых, его песня – слишком авторская, если можно так сказать. Все барды Галича любят, но не поют. Одни считают, что он немелодичен – мол, речитатив один у него, и все. Другие записывают его в какую-то резервацию: «интеллигентский», говорят.

– «Я неслышно проходил: «Англичанин!» Я «козла» не забивал: «Академик!»

– Вот именно. И у костра его не спеть – ну никак! Даже у Высоцкого можно что-то подобное для этих целей найти: спели же мои коллеги, соединившись, «Большой Каретный» на знаменитом альбоме «Песни нашего века». Диски с «Песнями...» вышли на самом деле замечательные, и дело они сделали огромное – вернули бардовскую песню в широкий обиход. Но Александра Аркадьевича там обошли. Не из вредности и не от неуважения, упаси Бог – просто хором он не поется. И молодежь его не знает: Галича ей не крутят. Вот сейчас юбилей – посмотрим к девятнадцатому октября, что по телевизору покажут про него. Надо Галича делать доступным и массовым – иначе, повторяю, он сам станет актуальным, но уже из-за положения в стране.

– Значит, срочно раскручивать Галича?

– Не раскручивать, а нести. Слово «раскручивать» соответствует другое нехорошее слово «формат»: стандартные шутки в смехопередачах и группа «Стрелки», где состав можно менять хоть десять раз, и никто не заметит... Так вот, Галич – старый, мудрый, интеллигентный еврей с гитарой – ни в какой формат не лезет. То ли к счастью, то ли к сожалению.

Юрий ВАСИЛЬЕВ